

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ

СЛОВО О ДРУГЕ

К 80-летию Виктора Петелина

Листаю только что вышедшую книгу Виктора Петелина “Мой XX век: Счастье быть самим собой” (М., Центрполиграф, 2009), и оживает прошедшее время в лицах, молодых, счастливых, полных ожидания и надежд. Мы – студенты и аспиранты Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, перед нами открывается дорога в прекрасное будущее, каждый уже что-то строчит своё, заветное. Только что прошёл XX съезд правящей партии, раскрылись архивы.

Вот машина времени в памяти моей даёт обратный ход и легко переносит меня в середину годов 50-х. Мы, как и все в стране, напряжённо переживаем происходящее, выслушиваем старших, рассуждаем, как можем, сами. Всё встало на ребро! Вчерашние комсомольские вожаки наши, грозные ревнители чистоты сталинизма и праведной партийности – Игорь Виноградов, Юрий Суворцев, Александр Лебедев, Юрий Рюриков вдруг круто меняют свою позицию. Казалось бы, только вчера учитель мой – профессор Гудзий ужасался их ортодоксальности, проводимым ими “кампаниям”. А сегодня они прозрели и с той же неистовой прямолинейностью пошли против самих себя – вчерашних.

В 1954 году – дискуссия о социалистическом реализме; попытка поубавить в нашей теории бетона. Молодой кандидат наук М. Кузнецов (опять же недавно выступавший с самых догматических позиций застрельщиком в разгроме “школы Веселовского”, куда попал и бывший наставник его Н. Гудзий) теперь сам же и ревизует партийные постулаты. Волна обновления. Здесь, конечно, причудливая смесь молодой искренности и демагогии, наивного желания абсолютной истины и затаённых устремлений свести давние счёты. Как всегда при большой ломке. Но в общем – интересное время, лизнувшее обжигающе и дремлющую полунауку – литературоведение, очень косный и поныне мир. Концепции здесь складывались на десятилетия, и расшатать их, кажется, невозможно. И если в соседних науках, например, в истории, разгромом печально памятной школы М. Покровского наиболее вопиющие уродства были устранены, то в литературоведении подобной хирургии своевременно проведено не было, и вульгарная социология пустила свои метастазы по всему телу нашей словесности.

Со временем трафареты только уплотнялись. Например, взгляд на М. Шолохова и его гениальный “Тихий Дон”. Здесь с 30-х годов герой шолоховской эпопеи Григорий Мелехов рассматривался как отступник, которого жестоко карает автор. В книгах и статьях И. Лежнева, С. Динамова, В. Гоффеншефера, Д. Заславского, М. Чарного, И. Гринберга, В. Ермилова, А. Лейтеса и многих других само казачество, с его историческим укладом и поэтическими обычаями, трактовалось как безусловное скопище отвратительных, бесчеловечных черт и свойств. Пожалуй, наиболее заострённо сформу-

лировал эту концепцию И. Лежнев, заявивший в книге “Михаил Шолохов” (СП, 1948), что “наши люди” в “Тихом Доне” — только профессиональные революционеры, и отказавший в этом семье Мелеховых и, по сути, народу, избраженному в эпосе.

Ту же смёрзшуюся от времени трактовку продолжил в 50-е годы молодой литературовед Л. Якименко, доказывавший, что путь Мелехова — “путь утрат многих прекрасных человеческих свойств и качеств”, что “страшный конец Григория Мелехова, нравственное и физическое его вырождение его — закономерное завершение судьбы таких людей”.

Что до Л. Якименко, то в своих работах о Шолохове он был так последователен, что способность Мелехова чувствовать прекрасное, его ощущение природы ставил в прямую зависимость от того, с кем в данный момент был герой. С красными — всё нормально, но если оказывался в лагере “кадетов”, в банде Фомина, значит, терял и право видеть поэтический мир. В сентябре 1956 года В. Петелин подготовил диссертацию на тему “Человек и народ в романах М. Шолохова” и передал её своему научному руководителю профессору А. И. Метченко. В это время на филфаке МГУ побывал К. Симонов, А. И. Метченко сделал неплохой доклад, а К. Симонов предложил ему напечатать его в журнале “Новый мир”, где он был главным редактором. Дорабатывая статью для журнала, А. И. Метченко включил в свои размышления и отрывок из диссертации молодого учёного: “Прав молодой исследователь творчества М. Шолохова В. Петелин, критикуя некоторые последние работы о Шолохове за схематическое освещение в них функции пейзажа в “Тихом Доне”... авторы этих работ утверждают, будто в те светлые периоды, когда этот герой находится на правильном пути, он воспринимает величие и красоту окружающего мира... а когда он идёт против народа, то и красота мира идёт как-то мимо него...” Это был сигнал профессора молодому учёному быть самим собой. Смысл сказанного (запечатанный в традиционную литературоведческую упаковку) всё-таки шире “роли пейзажа” или “функции пейзажа”. В. Петелин передал профессору диссертацию, в которой разгромил своих предшественников и дал новую оценку и Григорию Мелехову, и донскому казачеству, то есть части русского народа. Через два года вышла статья Виктора Петелина “Два Григория Мелехова”, а в 1965 году в издательстве “Советский писатель” вышла его новаторская и очень полемическая книга “Гуманизм Шолохова”, о которой много спорили, которую критиковали, но которая в итоге победила в спорах. Суть полемики хорошо определили В. В. Гура и Ф. А. Абрамов в книге “М. А. Шолохов. Семинарий” (издание второе, дополненное. — Л., 1962): “Несколько в стороне от этой дискуссии стоит статья В. В. Петелина “Два Григория Мелехова” (Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958, № 4). Автор её считает, что на страницах “Тихого Дона” нарисован совершенно положительный характер Григория, а в книгах исследователей этого романа, с помощью какой-то специальной “обработки” его текста, создан другой, отрицательный персонаж”.

Хорошо помню его тогдашнего — очень худого, курчавого, в очках с сильными линзами, баскетболиста и отличника, одновременно застенчивого и резкого в суждениях, прямодушного до наивности, остро и очень глубоко переживавшего всё, что было связано с этим памятным годом — годом XX съезда КПСС. Ожидание обновления было тогда огромным, хотя и не всеобщим. Об этом говорили и спорили мы до хрипоты на широкой балюстраде в старом здании МГУ на Моховой, возле гигантского бутафорского Ломоносова — Петелин, я, франтоватый поэт Виктор Старков, с длинными волосами, которые он постоянно откидывал назад резким движением головы, и худенький, с маленькими усиками под острым носом полонист Станислав Петров.

О Викторе Петелине я писал не раз, в журналах “Москва”, “Молодая гвардия”, в газетах, так что не буду подробно описывать творческий путь нашего юбиляра, который чуть ли не полностью вошёл в рецензируемую книгу. Но не могу пройти мимо ещё одного эпизода в его жизни, который почему-то обходят, — это его выступление “О художественном методе”, когда докладчик публично заявил в декабре 1956 года, что развитию русской литературы мешает **социалистический реализм**. Это было, конечно, выступление, приведшее в шоковое состояние всю партийную и преподавательскую аудиторию, это выступление долго обсуждалось на факультете, в Московском университете, а бюро горкома партии Москвы решило считать это выступление вредным и

наказало партийную организацию МГУ. Напомню лишь статью Дмитрия Урнова, в то время главного редактора журнала “Вопросы литературы”, в которой он высоко отозвался о выступлении Петелина: “Что с той трибуны услышали от Виктора Петелина, не шло ни в какое сравнение с этюдом на ту же тему, опубликованным лишь три года спустя, и то за границей. Я имею в виду эссе о социалистическом реализме, вышедшее в 1959 году в Париже под именем Абрама Терца и принадлежавшее А. Д. Синявскому. Вот это эссе, ныне широко известное, рядом с петелинским выступлением следовало бы считать апологией названного метода” (Урнов Д. “Кто создаёт иллюзии?” в рубрике “Поминки по советской литературе”. “Литературная газета”, 1990, 26 сентября).

Вот два эпизода, которые определили вхождение Виктора Петелина в русскую литературу.

Подобных эпизодов было множество, но напомню лишь о том, какие развернулись дебаты о личности и творчестве М. А. Булгакова, который потихоньку начал появляться в издательствах и на сценах театров. Сначала либералы-демократы представили его как “внутреннего эмигранта” (“Театральный роман”). Но в это же время в жизнь Виктора Петелина плотно вошёл Михаил Булгаков со своим многогранным творчеством. Я познакомил его с Еленой Сергеевной Булгаковой, у которой я и Пётр Палиевский не раз бывали. У меня как раз вышла небольшая рецензия на булгаковское “Избранное” в “Сибирских огнях”, я принёс журнал и привёл своего друга В. Петелина, который со своей огромной рецензией на “Избранное” обошёл все московские журналы. Одновременно он написал статью “М. А. Булгаков и “Дни Турбиных”, но с таким же безнадёжным результатом. Е. С. Булгакова хорошо приняла нас и посоветовала брать неопубликованные произведения только у неё. В. Петелин наконец-то передал статью в журнал “Огонёк”, дважды её ставили в номер, но цензура её снимала, дважды ходил В. Петелин в ЦК КПСС к куратору журналов Ивану Петровичу Кириченко, рассказывал о Булгакове (ведь все работники ЦК КПСС слепо подчинялись инструкциям и постановлениям). Булгаков был “внутренним эмигрантом”, печатать о нём статьи значит помогать враждебным силам на Западе. Но Петелин уговорил их, статью напечатали. Вышла она в “огоньковской” книжке в 1970 году и в книге “Россия — любовь моя” (Московский рабочий. 1972), но потом всё булгаковское из книг цензура выбрасывала. Так произошло с книгой “Родные судьбы” в “Современнике” в 1974 году: цензура выбросила большой очерк “Герои Булгакова”, выбросила то, над чем многие годы В. Петелин работал, больше шести листов. Это была трагедия для учёного. Но издатели снова включили в план и переиздали книгу с этим критическим очерком. Не передать словами, что поднялось после этого. ЦК КПСС, Комитет по печати РСФСР, Комитет по печати СССР заставляли автора отречься от многих положений статьи. Но он не соглашался. Пригласили В. Петелина в ЦК КПСС, два отдела разбирали этот очерк, Петелин отбивался от обвинений, как мог.

Через много лет после этого журнал “Источник” опубликовал материал “Дух остаётся, как и методы полемики”. О книге В. Петелина “Родные судьбы”, в которую вошло письмо В. Петелина секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину и письмо зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС В. Севрука и зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляева, в котором даётся ответ на письмо В. Петелина. Не буду ссылаться на письмо В. Петелина, но из письма В. Севрука и А. Беляева кое-что процитирую как нечто важное: “...некоторые выводы автора идут вразрез с партийными оценками. В книге проявляются также групповые пристрастия В. Петелина, его склонность к односторонним суждениям о сложных явлениях советской литературы.

Так, в статье “Герои Булгакова” автор во многом односторонне трактует творчество известного советского прозаика, не раскрывает противоречивости его идейно-творческих позиций.

В связи с анализом драмы М. Булгакова “Бег” автор книги даёт хвалебную характеристику белогвардейскому генералу Я. Слащову, который, по мнению критика, явился прямым прототипом героя пьесы генерала Хлудова... Вопреки М. Булгакову, В. Петелин поэтизирует образ Хлудова, произвольно приписывая ему “благородство, честь, порядочность, любовь к солдатам, любовь к России” (с. 190). В этой связи в книге подвергается критике кинофильм “Бег” (сценарий и постановка А. Алова и В. Наумова) за недостаточно полное, по мнению критика, раскрытие нравственной трагедии людей,

боровшихся против революции, за то, что авторы фильма якобы смеются над гибелью русских офицеров...” (Источник. 1997. № 1, с. 88–91).

Естественно, тут же в журнале “Литературное обозрение” критик Борис Галанов (Борис Ефимович Галантер), сразу после беседы в ЦК КПСС, строго вопрошал автора в критическом разное под названием “Нужны ли нам Хлудовы?” (1977, № 1), а секретарь правления СП СССР Виталий Озеров в “Правде” в статье “На новых рубежах” вновь напомнил об ошибках В. Петелина в книге “Родные судьбы” (Правда, 1977, 21 января). Так что линия ЦК КПСС была строго соблюдена, вульгарный социологизм, чуть-чуть подкрашенный, продолжал свою “бурную” деятельность. Может быть, кому-то показалось странным, что В. Петелин после книги “Гуманизм Шолохова” сразу взялся за изучение личности и творчества М. А. Булгакова. Тогда, в середине 60-х годов, многие видели в Булгакове фигуру достаточно спорную, не укладывающуюся в шаблонные представления о писателе советском. Но это был обман зрения. Более того: М. Шолохов и М. Булгаков, как это стало выясняться со временем, – центральные фигуры нашей литературы. Своими произведениями о гражданской войне они как бы стягивают зияние, провал, образовавшийся в результате невиданных в истории геологических, тектонических сдвигов. Что такое булгаковские “Белая гвардия”, “Дни Турбиных” и “Бег”? Это словно бы вторая половина того цельного и пылающего революционного мира, где первая – “Тихий Дон”. Помню, как известный учёный, знаток Шекспира и Мильтона, профессор Р. М. Самарин радовался появлению в “Огоньке” статьи В. Петелина “Булгаков и “Дни Турбиных” (1969), говоря: “На нашей улице праздник”.

Вспоминаю и ещё один эпизод, отражённый в рецензируемой книге Виктора Петелина: он закончил книгу о Булгакове и отдал её в издательство “Художественная литература”, её положительно отрецензировали известные писатели Николай Любимов и Николай Томашевский, но спустя какое-то время автор книги получил такое редзаключение, что решительно отказался следовать указаниям редакции. А тут вышло постановление о возможности издавать книги за свой счёт. Он собрал деньги и издал книгу “Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество” в издательстве “Московский рабочий” в 1989 году, потом её не раз переиздавали в издательстве “Центрполиграф” в XXI веке.

В книге “Мой XX век: Счастье быть самим собой” подробно рассказано, как В. Петелин работал над книгами об Алексее Толстом, Фёдоре Шалапине, фельдмаршале Румянцеве, о Максиме Горьком, как активно участвовал в литературном процессе, как счастливая судьба свела его в издательстве “Советский писатель” с Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Евгением Носовым и десятками выдающихся русских писателей, которых он не только пробивал в планы выпуска (тогда все они были молодыми и мало кому известными), но и вёл с ними активную переписку. Этот бесценный материал опубликован в книге, которая доставит молодым исследователям нынешней поры огромное удовольствие вторгнуться в самый процесс создания этих книг.

“ARS LONGA, VITA BREVIS” (“Жизнь коротка, искусство вечно”), – сказано латинским мудрецом. И это, конечно, так. Но ведь есть и другое, тоже мудрое высказывание: “Русский писатель должен жить долго”. В этих двух афоризмах нет противоречия. Вот почему, поздравляя моего друга Виктора Петелина с юбилеем, я жду от него новых книг и новых героев – великих патриотов нашей Отчизны. И годы его вдохновенного труда сливаются с бессмертной жизнью этих героев, неподвластных тлену. Во имя Родины.